

Тур Евгения

Племянница

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгения Т.**
Племянница / Тур Евгения – М.: Книга по Требованию, 2025. – 273 с.

ISBN 978-5-519-77879-4

ISBN 978-5-519-77879-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

‘которые знатоки столько ценить. Кабинетъ самого Чельскаго, будто въ противоположность комнатамъ будущей жены его, отличался совершенной простотой и строгостію, нисколько впрочемъ не лишенными совершеннаго комфорта. Его тщеславіе походило на любовь, и тотъ, кто коротко не зналъ и не изучилъ кнззя, приписалъ бы конечно все его старанія объ убранствѣ комнатъ Маши одной любви и желанію ей понравиться. Это чувство, конечно, входило въ долю заботъ его; но мысль, руководившая его при всемъ этомъ, была та, что жена его, во первыхъ, княгиня Чельская, то есть знатная дама, а во вторыхъ, жена его, а въ третьихъ уже Маша, то есть любимая имъ женщина. По всему этому могла ли она не имѣть покоевъ, убранныхъ изысканно, такъ чтобы всякій входящій былъ пораженъ, не позолотой мебели, не дорогими коврами и обоями, которые служатъ только обстановкой необходимою во всякомъ богатомъ домѣ, но рѣдкимъ вкусомъ, но собраніемъ произведеній искусства и множествомъ старинныхъ вещей, доставшихся ему отъ знатныхъ предковъ, которыми онъ столько гордился.

Однажды утромъ Чельскій сидѣлъ въ кабинетѣ своемъ за письменнымъ столомъ и подписывалъ счѣты, отсылая ихъ въ контору для уплаты; все было уже почти окончено въ домѣ его и свадьба его назначена была черезъ недѣлю.

Камердинеръ его вошелъ въ комнату.

— Валентинъ Михайловичъ проситъ васъ немед-

лепно къ себѣ, сказалъ онъ князю, остановившись у дверей.

— Что такое? или онъ не здоровъ, спросилъ Чельскій, удивившись.

Дядя не имѣлъ привычки требовать его къ себѣ и если бы писанинникъ вздумалъ не ходить къ нему въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, онъ не только не прислалъ бы за нимъ, но, вѣроятно, и не спросилъ бы даже, гдѣ онъ и что дѣлать.

Чельскій зналъ всё это.

— Нтъ, Валентинъ Михайловичъ здоровъ, но Семенъ сказывалъ мнѣ, что получилъ письмо изъ Петербурга и кажется встревоженъ.

— Одеваться, сказалъ князь, вставая поспѣшно и сбрасывая съ себя бархатный халатъ свой.

Онъ одѣлся и сошелъ съ лѣстницы; перешолъ дворъ, отворилъ калитку и очутился на другомъ дворѣ во владѣніяхъ своего дяди.

— Семенъ, что дядюшка? спросилъ онъ у чело-
вѣка, сидѣвшаго во второй комнатѣ, служившей би-
бліотекой.

— Ничего, письмо получили — будто испугались, а теперь я входилъ, они спокойны опять.

Чельскій вошелъ къ дядѣ — старикъ, покинувъ свое обыкновенное мѣсто, сидѣлъ уже у окна, машинально гладя шею своего любимаго попугая.

— Здравствуйте, дядюшка, сказалъ Чельскій, под-
ходя къ нему и протягивая ему руку;—что вамъ угодно?

Старикъ протянулъ ему свою руку и сказалъ ме-

дление обыкновенного, но безъ волненія въ голосъ и лицъ:

— Я получилъ письмо изъ Петербурга — сестра умираетъ, хотѣлъ ѣхать тотчасъ самъ, но только перешолъ съ одного мѣста на другое и чувствую, что не могу уже ходить; ноги не слушаются — кудажъ мнѣ ѣхать — и моя машина скоро остановится. Побѣжай за меня.

Чельскій зналъ, что ѣхать надо; эта умирающая тетка была та самая, у которой онъ воспитывался — онъ не колебался ни минуты, хотя ему ѣхать совсѣмъ не хотѣлось.

— Да, сказалъ онъ, я сейчасъ пошлю за подорожной и лошадьми; но что случилось съ тетушкой?

— Ударъ — мнѣ пишетъ о томъ дочь ея. Она желаетъ видѣть и тебя и меня; тебя проситъ непременно пріѣхать, а со мной прощается, зная, что я уже и самъ далеко не уйду. Вотъ письмо.

Онъ подаль ему пакетъ. Чельскій сталъ читать.

— Я сейчасъ пошлю за лошадьми, сказалъ онъ, отдавая письмо обратно; а пока поѣду проститься съ невѣстой; ворочусь отъ нея поскорѣй и приду за вашими порученіями.

— Да ихъ нѣтъ у меня. Что мнѣ сказать ей? что всегда любилъ её — она это знаетъ; она надѣется выздороветь, добрая сестра — но такія надежды на меня не дѣйствуютъ. Всякому свой чередъ: сперва она, потомъ я — общая участь.

— Я скажу ей, что вы пріѣхали бы сами, если

бы здоровье ваше позволило вамъ предпринять путь этотъ, сказалъ Чельскій.

— Да это она сама знаетъ и увѣрять её не въ чѣмъ. Терпѣть я не могу увѣреній—лишній вздоръ.— Ну, теперь потѣжай къ невѣстѣ и скажи ей, что бы она не пѣнила на меня за разлуку съ тобою.

— Маша неспособна на это, сказалъ Чельскій; она бы и сама посоветовала мнѣ ѣхать, если бы....

— Ну, я не знаю—да всё равно—всё это заплачется, когда она будетъ стара, и для ней, быть можетъ, кто нибудь покинетъ любимаго человека — да долгожько до этого. Прощай!

Старикъ протянулъ руку племяннику.

— Я еще зайду къ вамъ, дядюшка.

— Нѣтъ, не надо, не за чѣмъ; мнѣ лучше одному, да и тебѣ къ чему терять время со мною: сиди у невѣсты — только дай слово, что не замѣшкаешься и уѣдешь, лишь только привести лошадей.

— Будьте покойны, черезъ два часа меца не будетъ въ городѣ.

— Благодарю, сказалъ старикъ,—за неё особенно; ей будетъ пріятно видѣть тебя, это утѣшитъ её приконцѣ.

— Дядюшка, еще просьба; если Машѣ что нибудь будетъ нужно, позвольте ей обратиться къ вамъ.

— Долгъ платежемъ красенъ, сказалъ старикъ,—можетъ. Ты ѣдешь за меня — ты въ правѣ требовать отъ меня услуги.

— Я ѣду и для себя, сказалъ Чельскій; я люблю тетушку и....

— Полно, сказалъ старикъ отрывисто, прерывая его,—не настолько, чтобы оставить невесту. Ты ѣдешь для меня—ну, да мы сочтемся, я въ долгу не бываю. Прощай, я усталъ, боленъ.

— Вы не тревожьтесь, сказалъ Чельскій; она можетъ быть и выздороветь, зачѣмъ отчаяваться до времени.

— Во первыхъ я никогда не тревожусь, во вторыхъ я не ребенокъ и не глупецъ, и мнѣ не нужно вашихъ нелыныхъ приготовленій и утѣшеній; давно глужу прямо на вещи. Смерть неизбежный законъ — она необходима, какъ всё, что совершается въ планетномъ мірѣ. Прощай.

Чельскій сжалъ руку дяди, пошелъ къ себѣ и, отдавъ всѣ нужныя приказанія, тотчасъ отправился къ Машѣ.

Онъ засталъ всё семейство Бѣловодскихъ въ гостиной, не смотря на то, что утро было въ началѣ. Едва княгиня его увидѣла, какъ, не дожидаясь, по обыкновенію, что бы онъ подошелъ къ ней, встала съ дивана своего и пошла ему на встрѣчу. Лицо ея было торжественнѣе обыкновеннаго и вся осанка носила на себѣ признаки непривычнаго и подавленнаго волненія.

— Поздравьте меня, племянникъ, сказала она, моя Мери сдѣлала выборъ достойный; я дала уже ей мое благословеніе и слово жениху ея.

— Очень радъ, сказалъ Чельскій съ удивленіемъ, и поздравляю васъ отъ души; но за кого же идетъ кузина замужъ?

Онъ взглянулъ на Машу, которая протягивала ему руку, и былъ нѣсколько удивленъ печальнымъ лицомъ Анюты, на глазахъ которой блистали, худо скрытыя слезы.

— Она помолвлена за графа Запольскаго, сказала княгиня съ важною осанкою и твердымъ голосомъ.

— Какъ? спросилъ онъ, не вѣря ушамъ своимъ, и прибавилъ тотчасъ съ улыбкой, принимая мгновенно веселый видъ, почерпнутый въ знаніи свѣта; поздравляю, поздравляю отъ души — отличный человекъ, блестящая партія.

Мери, сидѣвшая на диванѣ, встала и подошла къ нему.

— Cousin, сказала она, падѣюсь, что мы будемъ всегда дружны, что вы будете любить будущаго мужа моего. Я знаю, что вы, также какъ и всѣ, уважаете его — и это общее къ нему уваженіе есть первый залогъ моего будущаго семейнаго счастья.

Лицо Мери было, какъ всегда, спокойно и серьезно; въ ней не было замѣтно никакого волненія, хотя оно обнаруживалось въ слезахъ Анюты, въ печальномъ взорѣ Маши, въ торжественности матери и въ строго чинной осанкѣ мистриссъ Смайсъ; одна Мери была таже, какою была вчера. Она осталась вѣрна самой себѣ.

— Кузина, сказалъ Чельскій, цалуя руку ея; и всегда любилъ васъ и уважалъ графа, могу ли я не вѣрить въ нашу дальнѣйшую дружбу, скрѣпленную родственными связями.

— Я не могу вамъ выразить, проговорила кня_

гипп, сколько я счастлива выборомъ Мери; другъ ея отца, давній другъ нашего семейства будетъ ея руководителемъ на пути жизни; достоинства его для меня твердое ручательство....

— Что съ тобою, Владиміръ? прервала вдругъ Маша тетку свою на самомъ лучшемъ періодѣ приготовленной ею рѣчи.

Княгиня взглянула строго на племянницу, удивляясь легкомыслию, съ которымъ она осмѣлилась прерывать её; но, посмотрѣвъ на Чельскаго, спросила сама:

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ вами, вы будто озабочены?

— Непріятныя вѣсти, сказалъ Чельскій; не огорчайся, Маша, прошу тебя.

— Да что, что такое? спросила она, краснѣя и блѣднѣя.

— Вотъ ты ужъ и испугалась, сказалъ онъ, взявъ её за руку; дядя получилъ извѣстіе о болѣзни сестры своей, и я долженъ ѣхать черезъ часъ въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ? сказала Маша, съ измѣнившимся лицомъ; — и на долго?

— Незнаю; если тетушка при смерти, я не могу её оставить; вспомни, что она воспитала меня,— кромѣ того, дядя желаетъ, что бы я ѣхалъ и былъ при ней.

— Это желаніе есть приказаніе, сказала княгиня съ растановкой.

— Потѣжай, мой другъ, сказала Маша, со сле-

зами на глазахъ; — тетка вѣрно любитъ тебя и ея послѣднія минуты будутъ утѣшены свиданіемъ съ тобою.

— Такимъ образомъ свадьба ваша должна быть отсрочена, сказала княгиня; ну что же, это всё къ лучшему — свадьба Мери и ваша могутъ быть совершены въ одинъ день, а мнѣ будетъ это еще пріятнѣе. Пока вы въ Петербургѣ, я буду имѣть время всё устроить и выдамъ замужъ обѣихъ дочерей моихъ въ одинъ день; Маша тоже дочь моя — это будетъ трогательно.

Слова княгини всегда одинаково звучали, чтобы не говорила она — о свадьбѣ ли дочерей, или о приглашеніи на балъ.

Князь Чельскій взялъ Машу за руку и отправился съ нею въ другую гостиную; тамъ они усѣлись рядомъ на маленькій диванчикъ и грустно говорили между собой. Ему не хотѣлось покидать её въ лучшую пору жизни, за недѣлю до свадьбы, и это новое препятствіе заставило ихъ почувствовать сильнѣе взаимную любовь.

Маша старалась владѣть собою, но слёзы, выступавшія на глазахъ ея, поминутно изменяли ей. Она обѣщала воротиться какъ можно скорѣе и писать къ ней часто и подробно.

— Тетушка распечатываетъ всѣ письма, замѣтила ему Маша.

— Не мои, однако.

— Нѣтъ, навѣрное я твои; ты знаешь ея правила.

— Хорошо, сказалъ онъ, я поговорю съ ней; впрочемъ, я предупредилъ дядю и если тебѣ будетъ нужно что нибудь, поезжай къ нему, скажи ему въ чемъ дѣло и онъ для тебя сдѣлаетъ всё, что отъ него зависитъ; онъ обѣщалъ мнѣ это, а онъ всегда держать слово свое — я его знаю. Я скажу княгинѣ, чтобы она тебѣ позволила навѣстить его въ отсутствіи. Однако пора, прощай, сказалъ онъ, вставая; я зайду къ ней и уѣду.

— Прощай, сказала она, вставая тоже и протягивая ему обѣ руки.

— Я еще не совсемъ прощаюсь съ тобой, сказалъ онъ, цалуя ихъ; поговорю съ тетушкой и возвращусь назадъ.

— *Chère tante*, два слова, сказалъ онъ княгинѣ, входя въ гостиную.

— Что вамъ угодно, племянникъ, спросила она его, выходя съ нимъ въ кабинетъ свой.

— Просьба; позвольте Машѣ навѣстить моего дядю, когда ей вздумается; старикъ огорченъ, одинъ— онъ её приметъ.

— Я уже позволила ей разъ быть у него, и не вижу причины запрещать это въ другой разъ. Въ настоящее время и въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ долгъ Маши съѣздить къ нему. Я пошлю её къ нему непременно.

— Нѣтъ, теперь еще рано, сказалъ Чельскій; онъ растроенъ — а послѣ, когда онъ нѣсколько будетъ покойнѣе.

— Ну, какъ хотите, сказала княгиня.

— Теперь другая просьба. Я буду писать къ Машѣ и она ко мнѣ.

— Это всё въ обычаѣ и приличіи позволяютъ переписку между женихомъ и невестой.

— Да, я знаю, но я прошу васъ о другомъ; я желалъ бы, чтобы мои письма доходили къ ней прямо.

— Будьте покойны, кромѣ меня, никто ихъ читать не будетъ, сказала княгиня важно.

— Тетушка, сказалъ Чельскій, я уважаю и люблю васъ, но желалъ бы писать прямо къ невестѣ; а то какъ-то странно мнѣ будетъ писать къ ней, зная, что вы будете читать мои письма. Когда влюбленъ, дѣлающійся ребенкомъ, продолжалъ онъ смѣясь, и мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы посмѣялись надо мною.

— Повѣрьте, что отношенія жениха къ невестѣ не могутъ показаться мнѣ смѣшны; напротивъ, я понимаю всю ихъ важность.

— Однако, я былъ бы спокойнѣе, желалъ бы....

— Послушайте, племянникъ, я васъ не понимаю, сказала княгиня серьёзно и наставительно. Вы не мальчикъ, а ребячитесь. Вы помолвлены, вступаете въ бракъ и сами научаете будущую жену вашу пренебрегать приличіями: она уже и такъ склонна къ этому; смотрите, не истребите сами всѣ плоды трудовъ моихъ—я уже многое успѣла перемѣнить въ ея обращеніи и понятіяхъ, а вы хотите разрушить именно то самое, что составляетъ условіе мирнаго супружества: совершенную покорность приличіямъ.